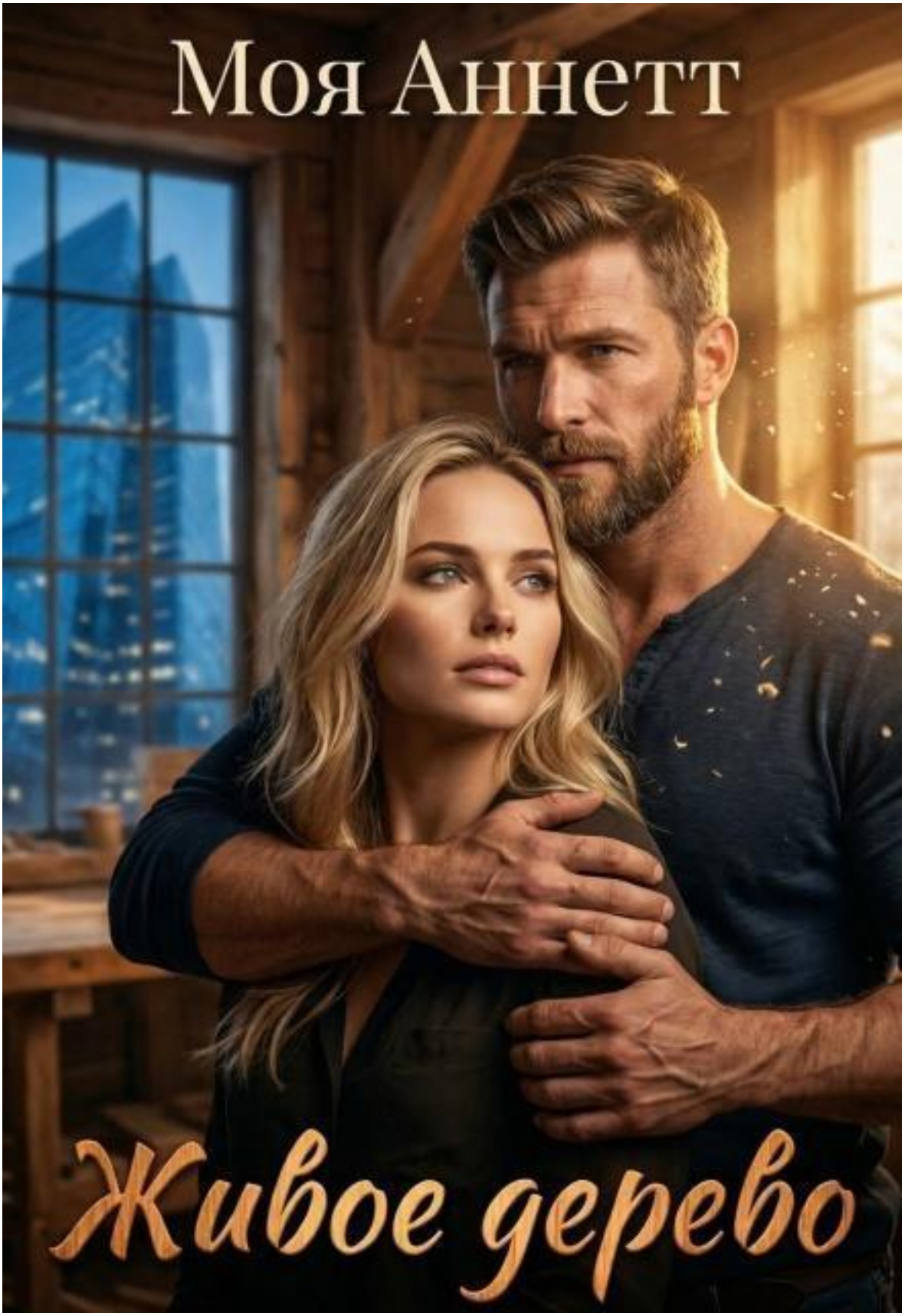
Моя Аннетт
Живое дерево

Моя Аннетт

Живое дерево

«Литнет»
2026

Аннетт М.

Живое дерево / М. Аннетт — «Литнет», 2026

Я была идеальным «бытовым приложением» для своего мужчины: планировала его встречи, гладила рубашки и обеспечивала безупречный тыл, пока он строил юридическую империю в ЖК «Айсберг». Я думала, что это любовь. Оказалось — просто высокий КПД. ВАЖНО: Мини-роман будет доступен БЕСПЛАТНО только первые 2 дня после публикации! Успейте прочитать историю до перехода в платный статус. ПОДПИШИСЬ, чтобы не пропустить выход новых глав, горячие новинки и эксклюзивные бонусы. Застав его с другой на нашем шелковом белье, я ушла в никуда, сжимая в кармане только ключи от бабушкиной «халупы» в старом районе. Теперь вместо кондиционированного воздуха офисов я вдыхаю запах цветущих лип, а вместо глянцевых отчетов счищаю слои старой краски со своей души.Мастер-реставратор Глеб, ворвавшийся в мою жизнь через заклинившее окно, говорит, что дерево не врет. А мой бывший уверен, что я без него — пустое место. Он хочет стереть мой новый мир с карты города ради очередного арт-кластера. Но он забыл одну деталь: «фоновые процессы» знают о системе гораздо больше, чем её создатель.Я больше не тень. Я — мастер. И я научу этот город дышать настоящим деревом, а не его пластиковой имитацией. Даже если для этого придется сжечь все мосты к прошлому.

© Аннетт М., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Стеклянный замок и запах гари 5
Глава 2. Пыль и право собственности 9
Глава 3. Скрытая история и запах воска 13
Глава 4. Точка невозврата 17
Глава 5. Мастера и маски 21
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Глава 1. Стеклянный замок и запах гари

У каждого предательства есть свой аромат. В моем случае это был «Кровавый шафран». Сладкий, до тошноты йодистый, с отчетливым шлейфом жженого сахара и какой-то стерильной медицинской чистоты. Этот запах заполнил нашу — нет, *его*— прихожую, бесцеремонно вытесняя привычный нейтральный аромат диффузора с белым чаем.

Я замерла на пороге, сжимая в руках бумажный пакет из элитного гастронома. В нем лежали стейки зернового откорма и бутылка тяжелого, как мои предчувствия, красного вина. Я ведь хотела устроить сюрприз. Иван три недели жил в режиме «судебный марафон», и я, как верная боевая подруга (или профессиональное бытовое приложение, как я поняла позже), решила, что ему нужна перезагрузка.

В пентхаусе ЖК «Айсберг» всегда было слишком тихо. Здесь всё подчинялось законам симметрии и минимализма: холодный серый мрамор на полу, в котором отражались диодные ленты, панорамные окна в пол, за которыми Столица расстилалась как шахматная доска, и идеальный порядок. Порядок, который поддерживала я, незаметно поправляя каждую подушку на диване стоимостью в годовой бюджет провинциального города.

— Кристина, ну хватит… Она вернется только через три часа. Успеем, — голос Ивана, обычно глубокий и бархатистый, сейчас звучал с какой-то жалкой, торопливой хрипотцой.

Стеклянная дверь в спальню была приоткрыта. Совсем чуть-чуть. Но этого хватило, чтобы мой мир, выстроенный на фундаменте «мы — команда», сложился, как карточный домик в зоне турбулентности.

Я не стала кричать. Не стала врываться и метать стейки в лицо Кристине — той самой ассистентке, которой я еще на прошлой неделе заказывала доставку детокс-обедов, потому что «Иван Юрьевич любит, когда у сотрудников высокий КПД». Я просто стояла и смотрела, как на дорогом шелковом белье, которое я выбирала лично, переплетаются тела.

Это был даже не гнев. Это был какой-то оглушительный звон пустоты. Будто из операционной системы моей жизни удалили критически важный файл, и теперь экран заливало синим цветом фатальной ошибки.

Я развернулась и вышла в коридор. Мои шаги по мрамору звучали как удары молотка по крышке гроба. Пакет с продуктами я аккуратно поставила на консоль у входа. Рядом с его ключами от машины и моим пригласительным на благотворительный вечер, где я должна была сидеть рядом с ним, идеально причесанная, идеально молчаливая, идеальная «миссис Вердикт».

— Вера?

Он вышел в прихожую быстро. Даже слишком. На ходу застегивал пуговицы своей безупречной белой сорочки от какого-то запредельно дорогого портного. Никакой паники в глазах. Только легкое раздражение, словно я — курьер, который пришел не вовремя и нарушил важную видеоконференцию.

— Ты почему не в офисе? Я же просил тебя забрать документы из архива.

— Я их забрала, Иван. И уже отправила в суд с водителем. Я всё сделала. Как обычно, — я посмотрела на него и впервые за три года увидела не «гения юриспруденции», а просто холеного мужчину с чужим парфюмом на воротнике.

— Послушай, — он подошел ближе, пытаясь включить свой фирменный голос, который убеждал даже самых скептичных судей. — Давай без этого женского драматизма. Это просто физиология. Стресс, дедлайны… Кристина — просто способ сбросить напряжение. Ты ведь взрослая, умная девочка. Ты понимаешь, что ты для меня — это база. Тыл. А это… это просто факультатив.

— Понимаешь, Вань? — я усмехнулась, и этот звук напугал меня саму. — Знаешь, как это называется в софте? Фоновый процесс. Процесс, который жрет кучу памяти, делает всю черную работу, но его никто не замечает, пока он не зависнет. Так вот. Я зависла.

— И куда ты пойдешь? — его бровь взлетела вверх. — В ту халупу в старом районе, которую ты называешь «наследством»? Вера, ты там через два дня взвоешь без клининга, доставки еды и теплого паркинга. Подумай головой, а не эмоциями. Ты без меня — просто администратор с неоконченным высшим.

— Лучше быть никем, чем частью твоего интерьера, — я схватила свою сумку. — Вещи заберу позже. Хотя… оставь их себе. На память о самом эффективном приложении в твоей жизни.

Я вышла из «Айсберга», и в лицо мне ударил холодный, пахнущий бензином и пылью ветер. Квартал Зеркал в сумерках выглядел как лес из ледяных кристаллов. Красиво. Дорого. И абсолютно бездушно.

До Тихих Лип я добиралась почти полтора часа. Пробки задыхались в собственном выхлопе, а небо над Столицей прохудилось, обрушив на асфальт плотный, серый дождь. Такси высадило меня у ворот, которые когда-то были покрашены в зеленый цвет, а теперь напоминали кожу старого облезающего дракона.

Район Тихие Липы был полной противоположностью Кварталу Зеркал. Здесь дома не тянулись к небу, а, казалось, врастали в землю, укрываясь огромными кронами деревьев. Моя кирпичная пятиэтажка с лепными карнизами встретила меня запахом мокрой земли и какой-то особенной, «подъездной» тишины. Но даже этот запах был честнее, чем шлейф «Кровавого шафрана» в спальне Ивана.

Я поднялась на четвертый этаж. Ключ в замке повернулся со скрежетом, будто квартира сопротивлялась моему возвращению. Я зашла, не глядя толкнув тяжелую дверь за собой — кажется, она даже не защелкнулась, но мне было всё равно.

Внутри было темно и холодно. Бабушкина квартира пахла застывшим временем: старой бумагой, лавандовым мылом и пылью. Я зажгла свет. Одинокая лампочка под потолком выхватила из темноты массивный буфет, стопку книг на столе и серые чехлы на мебели.

Стало невыносимо душно. Пыль будто забивалась мне в легкие, мешая дышать, мешая осознать, что я действительно здесь, а не в стерильном раю Ивана. Я бросила сумку на пол и кинулась к окну.

Это было огромное, тяжелое окно в дубовой раме. Одно из тех, что делали на века, но которые требуют понимания механики и уважения к материалу. Я дернула за ручку. Она не поддалась. Я нажала плечом, чувствуя, как холодная масляная краска впивается в ладонь.

— Да открывайся же ты! — закричала я, срываясь на хрип.

В этот момент во мне прорвало плотину. Все те обиды, все недосказанные слова Ивану, всё унижение от того, что меня считали удобной мебелью, вылилось в один яростный рывок.

Раздался сухой, страшный треск. Старая латунная ручка осталась у меня в руке, а сама рама лишь жалобно звякнула стеклом, но не сдвинулась ни на миллиметр.

Я медленно опустилась на подоконник, глядя на обломок металла в руке. Слезы потекли сами собой — горячие, злые. Я — ничтожество. Я даже окно не могу открыть в собственной квартире. Иван прав. Я не справлюсь.

— Девушка, ну зачем же так радикально? Окно — оно как женщина, грубости не любит. Только ласку и понимание того, как устроена душа дерева.

Я вскрикнула и едва не свалилась с подоконника. С той стороны стекла, за пеленой дождя, на узком карнизе стоял мужчина. На нем была промокшая куртка с капюшоном и страховочный пояс, на котором болтались специфические инструменты. Он держался одной рукой за выступ лепнины, а другой — постучал по стеклу костяшками пальцев.

— Вы… вы кто? — я судорожно вытерла лицо краем рукава, пытаясь сохранить остатки достоинства.

— Реставратор, — он хмыкнул, и я заметила, что у него очень спокойные, серые глаза. — Соседка ваша, Антонина Ивановна, попросила инспекцию фасада провести. У неё балконная рама «поплыла» после зимы, вот я и решил проверить, не пошла ли гниль по всему стояку. А вы тут, я смотрю, решили ускорить процесс деконструкции?

Я всхлипнула, глядя на него как на привидение. — Оно не открывается. Совсем.

— Отойдите на шаг, — скомандовал он.

Я послушно отступила. Мужчина достал из кармана узкий шпатель, ловко просунул его в щель между рамой и косяком, аккуратно подрезая слои вековой краски. Потом он приложил ладонь к середине створки и резко, но удивительно точно надавил.

С тяжелым, стонущим звуком — будто дом глубоко вздохнул — окно распахнулось. В комнату ворвался поток влажного, холодного воздуха. Пахнуло липами, дождем и настоящей свободой.

Мужчина легко перемахнул через подоконник и оказался в моей комнате. От него пахло не дорогим парфюмом, а свежей стружкой, канифолью и льняной олифой. Странный, забытый запах чего-то осязаемого и честного.

— Глеб, — он кивнул мне, снимая капюшон. Волосы у него были темные, коротко стриженные, с легкой проседью на висках. — И ручку вы зря оторвали. Это же «литое литьё» начала прошлого века. У неё патина была благородная, а вы её — с мясом.

— Я не нарочно, — прошептала я, чувствуя, как по ногам тянет сквозняком. — Оно само…

— Само ничего не ломается. Обычно люди ломают, когда слишком сильно давят там, где надо просто снять напряжение материала. С вещами нельзя воевать. Их нужно чувствовать.

Я замерла. Он не спрашивал, как меня зовут, и сам не спешил завязывать знакомство.

— У вас на сумке бирка с инициалами, — он заметил мой взгляд и кивнул на пол. — И лицо такое… как будто вы только что сбежали из очень дорогой, но очень тесной клетки. А там, в клетках, обычно не учат обращаться с настоящим деревом.

Он подошел к открытому окну, бережно провел пальцами по шершавой поверхности рамы и добавил тише: — Хороший дом. Породистый. А окна… Окна мы вылечим. Это моя работа — возвращать жизнь тому, что все остальные считают мусором. Главное, что теперь дышать можно.

Глеб посмотрел на меня — прямо, без того холодного оценивающего блеска. В его взгляде была надежность реставратора, который знает: под любым слоем старой краски скрывается чистая структура.

— Мне пора. Ливень усиливается. — Он снова накинул капюшон и вылез обратно на карниз. — Не закрывайте его пока. Пусть всё наносное выветрится.

Он исчез в серой хмари так же внезапно, как и появился. Я осталась стоять посреди комнаты, глядя на танцующие занавески. В груди всё еще саднило, но паника ушла, оставив после себя странное чувство тишины.

Я подошла к столу, и в этот момент мой телефон завибрировал. Экран вспыхнул именем Ивана. Я нажала на уведомление.

«Вера, не будь дурой. Ключи от сейфа лежат в твоей тумбочке, а я не могу их найти. Если завтра к десяти утра ты не приедешь и не откроешь его, я вызываю службу вскрытия, а твои вещи из офиса отправятся на помойку. Ты без меня никто. Одумайся, пока я даю тебе шанс вернуться и не позориться перед всеми».

Я смотрела на сообщение, и в носу снова закололо. Но не от слез. А от того самого запаха гари, который я почувствовала еще в «Айсберге». Это горели мои мосты. Я подошла к окну и разжала пальцы. Смартфон полетел вниз, в темноту Тихих Лип, прямо в глубокую лужу.

Теперь дышать стало по-настоящему легко. Я опустилась на голый паркет, прислонившись спиной к холодной стене. В голове всё еще крутилась фраза того странного человека: «Само ничего не ломается».

Значит ли это, что я сама позволила Ивану превратить меня в приложение? Три года я обновляла его графики, чистила его кэш и удаляла его ошибки. Я думала, что это и есть любовь. А оказалось, я была просто сервисом. Глеб сказал, что он возвращает жизнь тому, что считают мусором. Интересно, в глазах такого человека я тоже выгляжу как «материал под реставрацию»? Груда старого дерева, покрытая толстыми слоями чужой, дешевой краски...

Тишину квартиры нарушил странный звук. Не звонок телефона, не шум дождя. Скрип. Тяжелый, протяжный звук входной двери, которую я, в порыве своего отчаяния, так и не догадалась запереть на замок. Она просто была прикрыта, оставив тонкую щель для сквозняка и... для кого-то еще. Мое сердце подпрыгнуло к самому горлу. Иван? Нет, он презирал это место.

Дверь медленно приоткрылась, и в коридор скользнула тонкая фигура в насквозь промокшем плаще. На бледном лице размазалась тушь, а от волос исходил тот самый удушливый аромат «Кровавого шафрана».

— Вера? — прошептала Кристина, вжимаясь в дверной косяк. Плечи её мелко дрожали, а в глазах застыл такой первобытный ужас, что все мои обиды на мгновение просто испарились. — Вера, пожалуйста… Не выгоняй. Он меня убьет.

***

Дорогие читатели!

Большое спасибо, что заглянули в мою историю!

Добавляйте в библиотеку, чтобы не потерять и ставьте звездочку — это очень меня мотивирует :)

Подписывайтесь на меня, так мы точно не потеряемся:

https://litnet.com/shrt/pJbu

Глава 2. Пыль и право собственности

Первое утро в «Тихих Липах» на вкус напоминало дешевый растворимый кофе — пережженный, с отчетливым металлическим послевкусием и густым осадком безнадеги на дне чашки. Я сидела на колченогом табурете, обхватив ладонями щербатую кружку, и смотрела, как в полосе холодного утреннего света медленно кружатся пылинки. Вчерашний ливень смыл глянец моей прежней жизни, оставив после себя только этот пыльный шлейф и гудящую пустоту в голове.

Кристина ушла на рассвете. Весь остаток ночи она просидела в углу старого дивана, сжавшись в комок и вздрагивая от каждого шороха веток за окном. Она так и не решилась на откровенность, только шептала, что Иван «играет в кости человеческими судьбами», и что она «случайно открыла не тот файл». Я не стала её допрашивать — у меня не было сил даже на собственную катастрофу, не то что на чужую. Просто дала ей адрес своей единственной подруги, которая точно не сдаст, пару тысяч из заначки и старый бабушкин дождевик.

На мне был огромный шерстяной свитер — колючий, пахнущий лавандой, нафталином и долгими годами забвения. Он нещадно царапал шею, но этот дискомфорт был мне даже приятен. Он заставлял меня чувствовать себя живой, а не просто призраком в этой заброшенной квартире.

Я по привычке потянулась к тумбочке за телефоном, чтобы заказать завтрак и такси, но рука замерла в воздухе. Смартфона нет. Он на дне лужи. И банковских карт у меня тоже, считай, нет.

— Отлично, Вера. Уровень выживания: первобытный строй, — пробормотала я в пустую чашку.

Мне нужно было в «Квартал Зеркал». В офис «Вердикт и Право». Забрать трудовую книжку, свои вещи и, самое главное, хотя бы попытаться сохранить лицо перед человеком, который еще вчера называл меня «своей базой».

До офиса я добиралась на автобусе. Ощущение было такое, будто я — глубоководная рыба, которую внезапно вышвырнули на берег. В ЖК «Айсберг» я привыкла к стерильной тишине подземного паркинга и запаху натуральной кожи в салонах такси бизнес-класса. А здесь были запахи мокрых курток, несвежего дыхания и тяжелый, давящий гул человеческих голосов.

Когда я подошла к сверкающему входу «Вердикта», охранник на ресепшене — тот самый Степан, которому я каждое утро улыбалась и заказывала кофе, если он задерживался на смене — вдруг отвел глаза.

— Вера Николаевна, доброе утро. Извините, но ваш пропуск… — он замялся, вертя в руках мой пластиковый бейдж. — Аннулирован по распоряжению Ивана Юрьевича. С восьми утра.

Внутри меня будто что-то сжалось в тугой, болезненный узел. Три года. Три года я была тем самым механизмом, который заставлял это здание дышать. Я знала пароли от всех серверов, знала, когда у младших партнеров дни рождения жен, знала, какую температуру воды предпочитает Иван перед важными дебатами. И теперь я стояла перед турникетом, как бродячая кошка, которую выставили за дверь.

— Пропустите её, Степан. Мы же не в концлагере.

Голос Ивана раздался за моей спиной. Он выглядел безупречно. Темно-синий костюм ручной работы, идеально накрахмаленная сорочка, едва уловимый аромат дорогого парфюма — того самого холодного и расчетливого, который теперь вызывал у меня тошноту. Иван улыбался своей самой опасной, «адвокатской» улыбкой.

— Вера, дорогая. Рад, что ты одумалась так быстро. Ты за ключами от сейфа?

Он подошел почти вплотную, и я невольно сделала шаг назад. Вокруг нас уже начали собираться сотрудники — те самые люди, с которыми я еще вчера планировала стратегию развития фирмы. Теперь они стояли, затаив дыхание, наблюдая за моей публичной казнью.

— Я за вещами, Иван. И за документами. Ты прекрасно знаешь, что мое увольнение должно быть оформлено по закону.

Иван тихо, почти ласково рассмеялся. — По закону? Милая, ты три года работала здесь на доверии. Ты же сама не хотела подписывать контракт, помнишь? «Вань, я же твоя, зачем нам эти формальности». Твои слова?

Я почувствовала, как краска заливает лицо. Он врал. Он сам убедил меня, что официальное оформление в фирме основного партнера создаст «ненужные юридические риски» и помешает нашему будущему браку. И я, ослепленная своей любовью и «удобством», верила каждому слову.

— Твои вещи уже упакованы, — Иван небрежно кивнул в сторону лобби, где стояла пара картонных коробок, наспех обмотанных скотчем. — Там всё: твои кактусы, блокноты и… кажется, та нелепая чашка с лисой. Забирай и уходи. И Вера… — он понизил голос до шепота, наклонившись к моему уху. — Счета заблокированы. Машина, которую я тебе подарил, возвращена в лизинг фирмы. Ты сейчас — никто. Пустое место. Иди в свою халупу в «Липах», посиди в пыли. Через неделю, когда закончатся наличные, приползешь просить прощения. А я подумаю, стоит ли тебя брать обратно. Хотя бы секретарем.

— Не приползу, — я выпрямила спину, хотя внутри всё дрожало от дикого, нечеловеческого унижения. — Я лучше буду задыхаться в пыли, чем дышать твоим враньем.

Я подхватила одну из коробок — она оказалась неожиданно тяжелой, край картона больно врезался в ребра — и направилась к выходу. Спиной я чувствовала десятки взглядов. В «Вердикте» не любили проигравших, а Иван только что вычеркнул меня из списка живых.

Обратный путь превратился в бесконечный марафон боли. Коробка царапала руки, скотч лип к свитеру, а в метро меня несколько раз толкнули, даже не заметив. Когда я наконец добралась до четвертого этажа в «Тихих Липах», я просто сползла по стене в прихожей, прижимая к себе коробку с «нелепой чашкой», которая теперь была моим единственным имуществом.

Я была на нуле. В кармане — несколько смятых купюр, которых едва хватит на макароны. Доступа к сбережениям, которые Иван «успешно инвестировал» от моего имени, больше не было.

— Соберись, Вера. Соберись, — я вытерла рукавом колючего свитера глаза и встала.

Окно в комнате всё еще было распахнуто. В комнату залетал свежий воздух, смешиваясь со сладковатым запахом цветущих лип. Я подошла к подоконнику и вздрогнула.

Прямо за стеклом, на уровне четвертого этажа, снова висел Глеб. На этот раз он был без капюшона, солнце золотило его короткие волосы. Он методично проверял состояние кирпичной кладки под козырьком, закрепленный на своем страховочном тросе.

Заметив меня, он не улыбнулся, не начал сочувствовать. Просто окинул взглядом мою коробку и мое серое лицо. — Вижу, поход за справедливостью прошел в режиме «блицкриг». Судя по коробкам — справедливость победила не вас.

— Она вообще никого не побеждает, Глеб. Она просто не выходит на работу, — я прислонилась лбом к косяку.

Он легко оттолкнулся ногами от стены, плавно качнулся на тросе и, перехватив карабин, буквально вплыл в оконный проем. Сегодня от него еще сильнее пахло лесом и какой-то странной, спокойной силой. В руках у него был небольшой брусок, обернутый наждачной бумагой.

— Справедливость — это когда дерево чистое. Без гнили и без лишней краски, — спокойно сказал он, игнорируя мой упадочнический тон. — Остальное — шум.

Он подошел ко мне и, не спрашивая разрешения, вложил мне в ладонь этот шершавый брусок.

— Ты что делаешь? — я растерянно посмотрела на наждачку.

— Рецепт от головной боли и разбитого сердца. Бесплатно. У тебя рама на подоконнике облупилась. Видишь этот слой краски? Его тут намазывали десятилетиями. Мертвая корка. А под ней — дуб. Настоящий, породистый, живой.

— Глеб, мне не до окон, — я попыталась вернуть ему инструмент. — У меня жизнь под откос летит. Меня раздавили, вышвырнули как старую ветошь…

Он не взял брусок. Напротив, он мягко, но очень твердо накрыл мою ладонь своей. Его рука была горячей и сухой, с мозолями, которые казались мне сейчас надежнее любого юридического договора.

— Тебя нельзя вышвырнуть, Вера. Вышвыривают только вещи. А ты сейчас как эта рама — просто под слишком толстым слоем чужой грязи. Хочешь начать дышать? Хочешь перестать чувствовать себя «фоновым процессом»? Счищай.

Он кивнул на окно. — Просто делай это. Сантиметр за сантиметром. Пока не доберешься до сути. Это как медитация. Когда работают руки, голова перестает варить горечь.

Я посмотрела в его серые, спокойные глаза. В них не было жалости — той липкой, унизительной субстанции, которой я так боялась. В них был вызов.

Я повернулась к окну. Шершавая поверхность наждачки казалась мне враждебной. Но я сделала первое движение. Вжих-вжих. На старый паркет посыпалась мелкая белая пыль. Снова. Вжих-вжих.

Это было странное, почти физическое облегчение. С каждым движением я будто сдирала с себя ту невидимую пленку, которую на меня натягивал Иван все эти годы. Под белой, мертвой коркой действительно начало проступать темное, плотное дерево. Оно было теплым, даже каким-то пульсирующим.

Глеб стоял рядом, прислонившись к стене. Он не давал советов, не поправлял. Он просто присутствовал — как якорь, который не дает моему маленькому плоту окончательно уйти на дно.

— Работает? — тихо спросил он через пятнадцать минут.

Я кивнула, не в силах оторваться. Мои плечи ныли, пальцы горели, но в голове впервые за долгое время стало тихо. Пустота заполнилась простым, честным звуком работы.

— На сегодня хватит. Дуб — он гордый, не любит суеты, — сказал Глеб, направляясь к окну. — Завтра принесу масло. Покажем этой раме, что о ней помнят.

Когда он исчез за окном, скользнув вверх по своему тросу в сторону крыши, я почувствовала странный прилив энергии. Мне расхотелось плакать. Мне захотелось навести порядок.

Я подошла к коробкам, которые сегодня с таким трудом притащила из офиса. Иван, в своей манере избавляться от всего лишнего, просто свалил в них всё содержимое моих ящиков и сейфа. Под ворохом офисных блокнотов я обнаружила и те самые бабушкины папки, которые он когда-то забрал для своей «экспертизы». Я вывалила их на стол. Запах старой бумаги — сладковатый, пыльный, уютный — наполнил комнату.

Я начала методично перебирать листы. Это была моя суперсила — находить систему в хаосе. Свидетельства, квитанции, старые письма… Я раскладывала их по годам, восстанавливая хронологию бабушкиной жизни.

И вдруг между страниц старой домовой книги я нашла тонкий лист копирки. На нем не было печатей, только текст, напечатанный на старой машинке, и две подписи.

Это было «Соглашение об обременении объекта недвижимости».

Я начала читать, и мои руки похолодели так, что я перестала чувствовать пальцы. Дата — за семь дней до смерти бабушки. Согласно этому листку, бабушка признавала долг перед юридической фирмой Ивана «Вердикт и Право» в размере десяти миллионов рублей. Залогом по этому долгу выступала эта самая квартира.

Внизу стояла её подпись — слабая, дрожащая рука человека, который в тот момент уже едва ли узнавал родных. И рядом — четкий, размашистый, торжествующий росчерк Ивана в качестве свидетеля и представителя кредитора.

— Господи… — выдохнула я, чувствуя, как комната начинает медленно вращаться.

Это не было «наследством». Иван не просто «позволил» мне здесь жить. Он ждал. Он ждал три года, пока район поднимется в цене, пока квартира станет стоить втрое больше, чтобы в любой момент предъявить этот листок и вышвырнуть меня — абсолютно законно, цинично, по всем правилам своей «справедливости».

Он не просто изменил мне. Он три года держал меня на поводке, финал которого был прописан еще до того, как мы съехались.

Я посмотрела на окно, где под слоем содранной краски темнел живой дуб. Глеб был прав — под старой грязью всегда скрывается правда. Но я не была уверена, что у меня хватит сил выстоять против такой правды.

Глава 3. Скрытая история и запах воска

Листок копирки жег мне пальцы, хотя бумага была холодной и тонкой. Десять миллионов. Цифра казалась абсурдной, выдуманной, но подпись бабушки — та самая, знакомая до каждой дрожащей черточки — превращала этот бред в мой персональный смертный приговор. Я смотрела на росчерк Ивана рядом. Он затаился в папке с документами и ждал три года, пока я окончательно расслаблюсь в его «стеклянном раю», чтобы нанести удар.

Я не заметила, как за окном начали сгущаться тени. Поиск системы в хаосе бабушкиных бумаг всегда был для меня способом медитации, но в этот раз он превратился в раскопки на месте крушения. Я провела над этими папками несколько часов, пока сумерки не начали медленно съедать углы комнаты.

Мне нужно было выйти. Вниз, на воздух, туда, где нет юридических ловушек и запаха старой копирки. Я схватила наждачный брусок — мой единственный «билет» в реальность. На его торце Глеб еще днем, когда вкладывал его мне в руку, размашисто написал карандашом адрес: «Живое дерево», кирпичный полуподвал за углом. Тогда я едва обратила на это внимание, но сейчас это была единственная точка на карте города, где мне не хотелось кричать от бессилия.

Я выскочила в подъезд. Проходя мимо окна на лестничной клетке, я невольно задрала голову. Там, наверху, уже не было слышно перезвона карабинов и шороха тросов. Глеб давно закончил работу на крыше и, скорее всего, уже вернулся в свой мир, где всё было осязаемым и честным.

Мастерская «Живое дерево» притаилась в том самом кирпичном полуподвале буквально за углом. Над входом не было неоновых вывесок — только массивная дубовая доска с выжженными буквами, которые, казалось, всё еще хранили запах костра. Я спустилась по крутым ступеням, и тяжелая дверь открылась с мягким, приветливым вздохом.

Внутри пахло так, что у меня на мгновение потемнело в глазах. Это был густой, многослойный аромат: терпкая свежеструганная сосна, горьковатая олифа, пчелиный воск и едва уловимая нотка крепкого кофе. Свет здесь был теплым, янтарным, он не резал глаза, как диодные панели в «Айсберге».

Глеб стоял в глубине зала, склонившись над огромным, почерневшим от времени сундуком. На нем была серая футболка, влажная от пота на лопатках, и рабочие брюки, перепачканные маслом. Он уже успел сменить альпинистское снаряжение на рабочий фартук и теперь снова «слушал» дерево. Его широкая ладонь медленно, почти интимно скользила по резной крышке, задерживаясь на каждой трещине.

— Я принесла инструмент, — тихо сказала я, останавливаясь у массивного верстака.

Он обернулся. В его серых глазах не было дежурного гостеприимства. Он посмотрел на меня так, будто сразу считал и лихорадочный блеск в моих глазах, и ту бумажную бомбу на десять миллионов, что осталась лежать у меня на столе под лампой.

— Не усидела-таки дома? — он хмыкнул, кивнув на брусок в моей руке. — Я же сказал: дуб не любит суеты, до завтра бы подождала. Но раз пришла — заходи. Мне как раз нужны глаза, которые привыкли замечать мелкий шрифт там, где другие видят просто буквы.

Я подошла ближе, и сердце вдруг пропустило удар.

Сундук был массивным, с тяжелыми коваными накладками в виде переплетенных виноградных лоз. На боковой панели, прямо под слоем потемневшего, потрескавшегося лака, я увидела его — характерный скол в форме полумесяца. Мои пальцы сами, помимо воли, потянулись к нему. Я знала этот скол. Я сама его сделала двадцать лет назад, когда пыталась открыть папин «клад» тяжелой железной линейкой на даче.

— Откуда он у тебя? — голос мой сорвался на шепот.

Глеб внимательно посмотрел на мои руки, коснувшиеся дерева. — Привезли на прошлой неделе. Нашли при расчистке архива в старом здании на окраине нашего района, которое фирма твоего Ивана готовит под снос. Просили оценить: антиквариат или в печь.

— Это сундук моего деда, — я подняла глаза на Глеба, чувствуя, как внутри всё начинает вибрировать от ярости. — Он исчез десять лет назад, когда нашу семейную квартиру описывали за долги отца. Иван тогда только начинал карьеру, он помогал «улаживать дела». Он говорил мне, что все вещи ушли с торгов.

Глеб замер. Он не стал говорить дежурных фраз. Он просто пододвинул мне низкий табурет, пахнущий свежей стружкой. — Значит, он вернулся, чтобы рассказать правду. Садись. Будем искать. Замок заклинило, и я не хочу его вскрывать силой. Тут нужна не сталь, а логика.

— Иван всегда говорил, что такие вещи — это просто старая рухлядь для неудачников, — я присела, не сводя глаз с виноградных лоз. — Он признавал только хром, стекло и аукционные лоты.

— Твой Иван привык иметь дело с тем, что можно быстро конвертировать в цифры на счету. Дерево — это время. Оно хранит всё.

Глеб достал набор тонких, похожих на стоматологические, инструментов. — Слушай дерево, Вера. Оно всегда звучит иначе там, где есть пустота.

Он легонько постучал по боковой стенке костяшками пальцев. Звук был глухим, плотным. Потом он постучал по дну. Звук стал чуть более звонким, с едва уловимым эхом.

— Двойное дно, — в унисон произнесли мы. Мой административный мозг, годами натренированный искать скрытые пункты в стостраничных соглашениях, мгновенно включился. — Глеб, посмотри на ковку. Видишь эту гроздь в углу? Она не симметрична.

Я начала лихорадочно вспоминать. Детство, запах яблок и дедов смех: «Вера, ищи не там, где блестит, а там, где прячется».

— Вот эта ягода. Она должна нажиматься.

Глеб накрыл мою руку своей. Его ладонь была огромной, горячей и удивительно надежной. — Давай вместе. Медленно. Почувствуй, как металл сопротивляется, а потом сдается.

Мы нажали одновременно. Раздался сухой, щелкающий звук — будто старый механизм наконец-то узнал хозяина. Крышка сундука осталась закрытой, но внутренняя панель дна слегка приподнялась. Глеб аккуратно поддел её тонким лезвием.

Под фальшивым дном лежали папки. Желтые, пахнущие подвалом и старой бумагой. На верхней папке стояло клеймо юридической конторы, в которой когда-то работал отец Ивана.

Внутри меня всё похолодело. Моя семья, моя история — всё это было вплетено в интриги Ивана гораздо глубже, чем я могла себе представить. Три года я была для него не просто «удобной женщиной», я была живым трофеем, который он держал под боком, пока переваривал наследство моей семьи.

— Ты знала, что там это лежит? — тихо спросил Глеб.

— Нет. Я думала, всё пропало навсегда.

— Значит, пришло время реставрации, — он встал и достал из шкафа стеклянную баночку с густой золотистой массой. — Но сначала нам нужно защитить дерево. Если оно пересохнет — рассыплется. Будем вощить.

Он зачерпнул немного массы на чистую фланель. Запах меда, луговых трав и тепла мгновенно заполнил пространство, перебивая горечь моих мыслей.

— Смотри, — Глеб начал втирать воск в крышку сундука круговыми движениями. — Воск не просто создает пленку. Он пропитывает поры, дает жизнь. Дерево оживает, когда чувствует тепло. Попробуй.

Я взяла тряпку. Мои движения сначала были неуверенными, дергаными. Я привыкла к сенсорным экранам, к холодному пластику, к вещам, которые не дают обратной связи. А здесь дерево сопротивлялось, оно было шершавым, жадным до ласки.

Глеб встал позади меня. Я чувствовала его дыхание у своего виска, жар, исходивший от его тела. Он не касался меня, но я ощущала его присутствие каждой клеточкой кожи.

— Сильнее, Вера. Не бойся его поранить. Оно крепче, чем кажется.

Его рука легла поверх моей, направляя движение. Это не было похоже на расчетливые прикосновения Ивана, которые всегда предваряли какую-то просьбу или манипуляцию. У Ивана руки всегда были холодными. У Глеба они были как живой огонь.

Через это простое соприкосновение я вдруг почувствовала такое мощное тепло, что у меня перехватило дыхание. Это было забытое чувство безопасности. Иван давал мне статус и «глянец», а Глеб… Глеб давал мне почву под ногами и веру в то, что я — настоящая.

— У тебя получается, — прошептал он. Его голос вибрировал где-то у меня в груди. — Видишь, как меняется цвет?

Дерево под нашими руками темнело, приобретая глубокий, благородный блеск. Оно словно впитывало наше общее тепло. В этот момент я поняла: я не «фоновый процесс» Ивана. Я — тот самый дуб, который просто слишком долго держали в темноте под слоем дешевой краски.

Мы стояли так, кажется, вечность. В мастерской было тихо, только тиканье старых часов и наше дыхание. Мир Ивана с его исками, блокировками и фальшивыми улыбками казался бесконечно далеким, как дурной сон.

— Глеб… — я обернулась, и наши лица оказались в нескольких сантиметрах друг от друга.

В его глазах, цвета грозового неба, я увидела то, что Иван никогда не умел — искреннее восхищение не моей функциональностью, а мной самой. Разбитой, растерянной, в колючем бабушкином свитере, но наконец-то начавшей дышать.

Он медленно поднял руку, намереваясь убрать выбившуюся прядь с моего лица. Его пальцы, пахнущие воском и лесом, почти коснулись моей щеки…

Резкий звук работающей наверху дрели разрезал тишину, как бритва. Мы синхронно отпрянули друг от друга. Магия момента рассыпалась на мелкие осколки пыли.

— Тебе пора, — голос Глеба стал хриплым. — Уже поздно. И… Вера. Береги эти папки. Дерево не врет, а вот бумага — иногда да. Но теперь ты знаешь, где искать корень.

Я кивнула, прижимая папки к груди. Мои руки всё еще горели от его прикосновения, а запах воска преследовал меня всю дорогу до дома.

Тихие Липы погрузились в сумерки. Воздух стал плотным, влажным, пахнущим надвигающейся грозой. Я шла по двору, чувствуя себя так, будто у меня за спиной выросли крылья, которые я три года старательно подрезала в угоду Ивану.

Я поднялась к себе, открыла дверь и, даже не зажигая света, прошла на кухню. Мне хотелось тишины, чтобы еще раз пережить то тепло, которое я почувствовала в мастерской.

Но тишины не было.

В дверь моей квартиры постучали. Нетерпеливо, мелко, как будто кто-то пытался выстучать азбуку Морзе своим отчаянием. Мое сердце забилось в горле. Неужели Иван?

Я подошла к двери, не снимая цепочку. Мои пальцы дрожали, когда я приоткрыла створку. На лестничной клетке стояла Кристина. В том самом бабушкином дождевике, который я ей дала утром. Она была босой, одна туфля на сломанном каблуке сиротливо валялась у неё в руках. Лицо было бледным, как мел, а на скуле наливался нехороший багровый след.

— Вера… — она всхлипнула, вжимаясь в косяк. — Он всё узнал. Про то, что я была у тебя. Он заставил меня подписать ту бумагу на мастерскую Глеба… Я не хотела, клянусь!

Я втащила её внутрь и заперла дверь. — Какую бумагу? О чем ты говоришь? И откуда ты вообще знаешь про мастерскую? — я смотрела на неё, и внутри нарастал холод.

— Я видела папку «Новый Горизонт» на его столе, Вера, — Кристина захлебывалась словами. — Там план сноса наших Лип. Мастерская «Живое дерево» отмечена красным. Иван

лично курирует иск по аренде земли под этим зданием. Он… он заставил меня подписать липовый акт проверки сегодня утром. Сказал, что если я не подпишу, я сяду вместе с ним как соучастница его старых дел.

Она сползла по дверному косяку на пол, закрывая лицо руками. — Он меня убьет, Вера. Он знает, что я пришла к тебе.

Где-то внизу, у подъезда, хлопнула дверь тяжелого внедорожника. Размеренные, тяжелые шаги на лестнице отозвались в моем теле вибрацией надвигающейся катастрофы.

Я поняла одно: мой уютный вечер с запахом воска закончился. Началась война, к которой меня никто не готовил, но которую я не имела права проиграть.

Глава 4. Точка невозврата

Шаги за дверью замерли. В наступившей тишине я слышала, как бешено колотится сердце Кристины — частый, рваный ритм испуганного зверька. Дождь настырно барабанил по подоконнику открытого окна, занося в комнату запах мокрого асфальта и старой пыли. Запах «Кровавого шафрана», теперь смешанный с запахом сырой шерсти и липкого страха, стал почти удушающим. Этот парфюм, который раньше казался мне символом роскоши и успеха, теперь вонял предательством и дешевой интригой.

— В комнату. Быстро! — шепнула я, хватая Кристину за плечо и заталкивая её за массивный дубовый шкаф в спальне, который еще помнил времена, когда в этой квартире звучал смех, а не приглушенные рыдания.

Я едва успела вернуться в прихожую и поправить свитер, пытаясь унять дрожь в руках, когда в дверь постучали. Не громко, не грубо — уверенно. Три коротких удара, за которыми стояли годы привычки распоряжаться чужим временем и чужими судьбами. Это был стук хозяина, который пришел забрать свое имущество.

Я открыла. Иван стоял на пороге, безупречный в своем сером кашемировом пальто, на котором не было ни единой капли дождя, словно даже стихия не осмеливалась коснуться его идеального облика. В этом подъезде, среди облупившейся масляной краски и тяжелого запаха старого дерева, он выглядел как инопланетный объект, стерильный и опасный. Его взгляд медленно скользнул по мне — от растрепанных волос до босых ног — и в нем не было ни капли сочувствия. Только холодное, расчетливое любопытство энтомолога, наблюдающего за редким, но уже обреченным насекомым.

— Вера. Ты не берешь трубку. Неужели этот... антураж настолько тебя поглотил? — Он прошел внутрь, не дожидаясь приглашения, заполнив тесное пространство запахом дорогой кожи и холодной стали. Иван брезгливо коснулся кончиками пальцев вешалки, словно боялся заразиться бедностью. — Ты всегда была склонна к драматизму, но это уже перебор.

— Что тебе нужно, Иван? Уже поздно для юридических консультаций, — мой голос прозвучал неожиданно твердо, хотя внутри всё вибрировало от напряжения.

Он обернулся, и на его губах заиграла та самая улыбка, которую я когда-то принимала за признак нежности, а теперь видела в ней только лязг стальных челюстей капкана.

— Я пришел за Кристиной. Она совершила непростительную глупость — решила, что может играть в прятки с системой, которую сама же и обслуживала. Но мы оба знаем, Вера, что система всегда находит свои файлы, особенно те, что пытаются самовольно удалиться. — Иван подошел к закрытой двери спальни, его шаги были бесшумными на старом паркете. — Крис, выходи. Машина внизу. Мы оформим твое увольнение без лишнего шума и судебных исков, если ты прямо сейчас вернешь документы по «Новому Горизонту». Не заставляй меня терять терпение.

— Её здесь нет, — я преградила ему путь, встав между ним и дверью, чувствуя, как внутри закипает темная, колючая ярость. — И документов нет. Уходи, Иван. Ты больше не имеешь права здесь находиться.

Иван медленно снял одну перчатку, обнажив холеные пальцы и тяжелое золотое кольцо на мизинце с фамильной печаткой. — Вера, дорогая. Ты всегда была отличным администратором, надежным тылом, но паршивым стратегом. Ты думаешь, что спасаешь её? Ты просто привязываешь к своим ногам лишний груз перед тем, как пойти ко дну. Этот дом, эта квартира... они уже не твои. Тот листок на десять миллионов, который ты нашла — это не просто бумага. Это замок, который я запер давным-давно, просто ждал подходящего момента, чтобы повернуть ключ.

Он наклонился ко мне так близко, что я почувствовала его холодное, ровное дыхание. — Ты — пешка в большой игре. «Тихие Липы» станут центром Столицы, сверкающим арт-кластером, который принесет миллиарды. И я не позволю какой-то провинциальной сентиментальности помешать прогрессу. У тебя есть двенадцать часов, чтобы одуматься и принять единственно верное решение. Завтра в десять я жду тебя в «Айсберге». С подписанным согласием и Кристиной. Если нет... механизм поглощения будет запущен в полную силу. И поверь, он не заметит препятствий.

Он развернулся и вышел, не оглядываясь, оставив после себя шлейф дорогого одеколона, который казался здесь ядовитым. Я стояла, вцепившись в дверную ручку, пока звук его шагов не затих на первом этаже, а затем и вовсе растворился в шуме дождя.

— Мы должны идти к Глебу, — я ворвалась в спальню, где Кристина сидела на полу, обхватив колени, похожая на сломанную куклу. — Он следующий в списке Ивана. Иван уничтожит его мастерскую, сравняет её с землей под парковку, если мы не предупредим его. Теперь это не просто моя проблема.

Мы выскользнули из дома через черный ход, боясь, что внизу всё еще караулит внедорожник. Ночной воздух «Тихих Лип» был пропитан ароматом мокрой земли и цветущих деревьев, но теперь эта свежесть казалась обманчивой, в ней отчетливо чувствовалась угроза. Тени от деревьев удлинялись, превращаясь в причудливых чудовищ.

В мастерской «Живое дерево» горел приглушенный, интимный свет. Когда мы вошли, Глеб сидел у верстака, его фигура была окутана теплым сиянием лампы. На старом проигрывателе крутилась пластинка — какой-то старый, меланхоличный джаз. Мягкие, обволакивающие звуки винила с их характерным домашним шипением заполняли пространство, создавая контраст с ледяным миром снаружи. Пахло свежим кедром, пчелиным воском и чем-то очень спокойным, вечным.

— Ты пришла, — Глеб встал, и в его взгляде я увидела такую искреннюю, не замутненную расчетом радость, что мне на мгновение захотелось просто сдаться, спрятаться в его объятиях и забыть о цифрах, долгах и исках.

Кристина, задыхаясь от пережитого стресса, начала рассказывать. Она говорила о схемах поглощения, о подставных лицах, о том, как Иван методично скупал права на аренду земли через третьи фирмы, и как он использует её подпись для легализации захвата земли прямо под этим зданием. Глеб слушал молча, его лицо каменело, превращаясь в суровую маску, глаза сузились, отражая свет лампы.

— Значит, «Новый Горизонт», — тихо, почти зловеще произнес он, когда она закончила. — Иван не просто хочет землю. Он хочет выжечь здесь всё, что напоминает о настоящем искусстве, о труде рук, и заменить это своим глянцевым, бездушным фальшаком. Ему не нужна история, ему нужны квадратные метры.

Кристина ушла в подсобку, чтобы умыться и прийти в себя, а мы остались вдвоем под теплым конусом света. Глеб подошел ко мне вплотную. Его руки, широкие, мозолистые, всё еще испачканные в масле и ароматных опилках, осторожно, почти невесомо легли на мои плечи.

— Вера, посмотри на меня. Мы справимся. Те папки из сундука — на них не просто клеймо фирмы его отца. Теперь я понимаю, почему Иван так охотился за этим «хламом». Там скрыты доказательства того, как его семья строила свою финансовую империю на обломках бизнеса твоего деда, обманывая и подтасовывая факты. Это и есть корень его нынешней власти, его грязный фундамент, и теперь этот корень в наших руках.

Он был так близко, что я чувствовала жар, исходящий от его тела. Его присутствие заполняло собой всю мастерскую, вытесняя страх. Музыка винила обволакивала нас, создавая иллюзию, что мир за стенами мастерской с его юридическими войнами перестал существовать. Глеб медленно наклонился, его дыхание коснулось моей кожи, губы были в миллиметре от моих…

И в этот момент меня парализовало. Перед глазами, как в замедленной съемке, всплыл Иван — то, как он так же уверенно и «надежно» обнимал меня в нашем панорамном пентхаусе, обещая, что мы будем вместе навсегда, пока за моей спиной его помощники готовили документы о моем полном разорении. Страх, липкий, холодный и тошнотворный, сковал мышцы. Я не могла. Я просто физически не могла снова довериться «сильному мужчине», боясь, что под маской защитника снова окажется расчетливый кукловод, дергающий за ниточки.

Я резко отстранилась, едва не опрокинув тяжелую банку с воском. Грохот металла о дерево прозвучал как выстрел. — Нет… прости, Глеб. Я… я не могу. Не сейчас. Слишком много теней.

В его глазах промелькнула острая боль, но он не сделал ни шага в мою сторону, не попытался удержать. Он понимал. — Страх — это как многослойная старая краска на благородном дереве, Вера. Её нельзя просто закрасить чем-то ярким. Её нужно мучительно счищать слой за слоем. До самого основания, до живых волокон. Даже если кажется, что от тебя ничего не останется.

Тишину двора внезапно разорвал резкий, ослепляющий свет мощных фар. В огромные окна мастерской ударил слепящий белый луч, выхватывая из темноты летящие пылинки и делая нас похожими на актеров на сцене под софитами. Визг тормозов тяжелого внедорожника прозвучал как окончательный, не подлежащий обжалованию смертный приговор.

Иван вошел в мастерскую, даже не потрудившись постучать. Он не снимал своего безупречного серого пальто, словно боялся испачкаться о саму атмосферу творчества. Его лакированные туфли со скрежетом скрипели по опилкам, и этот звук казался здесь чужеродным, враждебным, как скрежет металла по тонкому стеклу. Он окинул коротким, пренебрежительным взглядом верстак, сундук, проигрыватель и самого Глеба с таким выражением, будто изучал содержимое мусорного контейнера.

— Вера, — он даже не удостоил Глеба взглядом, словно тот был частью мебели. — Я надеялся, что у тебя хватит здравого смысла остаться дома и обдумать мое предложение. Но ты решила усугубить свое положение, придя в это... заведение.

Он медленно, с достоинством выложил на верстак толстую стопку документов в тяжелой кожаной папке с золотым тиснением герба его фирмы.

— Что это? — голос Глеба был низким, ровным, но в нем слышалась мощь надвигающегося шторма.

— Это твоя безоговорочная капитуляция, мастер, — Иван наконец соизволил взглянуть на него, и в его глазах не было ничего, кроме арктического холода. — Согласно этим актам и договорам переуступки, ты задолжал моей компании — которая теперь официально владеет правами на аренду этой земли и здания — сумму в пятнадцать миллионов рублей. Неуплаченные пени, старые долги предыдущих владельцев, которые теперь висят на тебе, нарушение условий эксплуатации исторического фонда. Всё заверено, подкреплено печатями и готово к немедленному исполнению через службу приставов.

Я вскрикнула, непроизвольно прижимая руки к груди. Пятнадцать миллионов. Это была не просто цифра, это была бетонная плита. Иван за один вечер выстроил вокруг нас юридическую крепость, которую было невозможно пробить обычными средствами.

— Ты блефуешь, Иван. Ты просто рисуешь цифры, чтобы запугать, — прошептала я, надеясь найти хоть каплю лжи в его лице.

— Я никогда не блефую, когда дело касается активов и ликвидации препятствий, Вера. Это бизнес, ничего личного. — Иван повернулся ко мне, и на его губах заиграла ледяная, торжествующая улыбка. — Выбирай. У тебя есть ровно минута.

Он медленно, почти ритуально достал из внутреннего кармана тяжелую золотую ручку с гравировкой «Вердикт и Право».

— Первый вариант: ты сейчас возвращаешься со мной. Прямо сейчас, без лишних слов. Завтра ты подписываешь официальные показания о том, что Глеб намеренно ввел в заблуждение твою бабушку при оформлении каких-то... фиктивных работ, и что эти папки, найденные в сундуке — грубая подделка. Взамен я аннулирую его долг, он просто тихо съезжает отсюда в течение суток, и мы навсегда закрываем вопрос с твоей квартирой. Ты возвращаешься на вершину, Вера. К шелку, к комфорту, к безопасности и понятному будущему. Мы просто забудем это недоразумение.

Он сделал паузу, явно наслаждаясь моим ужасом и тем, как дрожат мои губы.

— Второй вариант: ты остаешься здесь, проявляя свою неуместную гордость. В таком случае завтра в девять утра сюда приедет строительная техника для «консервации объекта». Глеб лишается всего: инструмента, мастерской, материалов в счет погашения долга, а против него возбуждается уголовное дело о мошенничестве в особо крупных размерах. Ты лишаешься крыши в «Тихих Липах» по суду, и я лично позабочусь о том, чтобы ни одна приличная юридическая фирма в этом городе не взяла тебя даже курьером. Ты останешься на улице — в своем колючем свитере, с этим семейным хламом под мышкой и клеймом предательницы.

Иван замолчал, протягивая мне ручку на раскрытой ладони. Его глаза сияли холодным торжеством победителя. Он был абсолютно уверен, что я — та самая Вера, которая боится дискомфорта и неопределенности больше всего на свете. Та, которую он вырастил в своей золотой клетке.

— Решай прямо сейчас, Вера. Время — самый дорогой ресурс, и я не намерен его тратить впустую. Или ты со мной на вершине, или ты идешь ко дну вместе с этим неудачником-реставратором. Один росчерк — и всё закончится.

Я посмотрела на Глеба. Он стоял неподвижно, его рука всё так же лежала на крышке нашего общего сундука. Он не умолял, не просил, не делал знаков. Он просто ждал, давая мне право на этот выбор, каким бы он ни был. А в тени у входа я увидела Кристину — она судорожно сжимала мой разбитый телефон, и на её лице отражалась вся та же безнадежная пустота, которую я сама чувствовала последние три года.

Моя рука медленно, словно подчиняясь чужой, непреклонной воле, потянулась к золотой ручке Ивана. Пальцы коснулись холодного металла.

Глава 5. Мастера и маски

Мои пальцы коснулись холодного, безупречно отполированного металла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.